

«Ведь пока солдат жив — он сражается».

Э.В. Лимонов

Не только книги и сценарии Юрия Бондарева (15.03.1924 г., Орск, Оренбургская губернии — 29.03.2020, г. Москва) приковывают к себе внимание, но и вехи его жизни, и правильная, правая, я бы сказал, праведная позиция, что пронёс он сквозь события трудные, героические, а в последние 35 лет жизни — сокрушительные, фатальные. А началось всё 15 марта 1924 года в городе Орске — там он родился в семье участника Первой мировой войны адвоката Бондарева Василия Васильевича. Затем был переезд семьи в Москву в семилетнем возрасте, 516-я средняя школа Замоскворечья, пионер, комсомолец. Когда началась война, Юрию Васильевичу шёл восемнадцатый год. Он участвует в сооружении оборонительных укреплений под Смоленском. Позже, летом 1942 года, его направляют во Второе Бердичевское пехотное училище, а уже в октябре под Сталинград. Там Бондарев командует миномётным расчётом. В декабре 1942-го награждён медалью «За оборону Сталинграда». Под Котельниковым контужен, получает обморожение и ранение в спину. После госпиталя служит в 23-й стрелковой дивизии Воронежского фронта. Участвует в форсировании Днепра. Видимо, оттуда и рождаются «Батальоны».

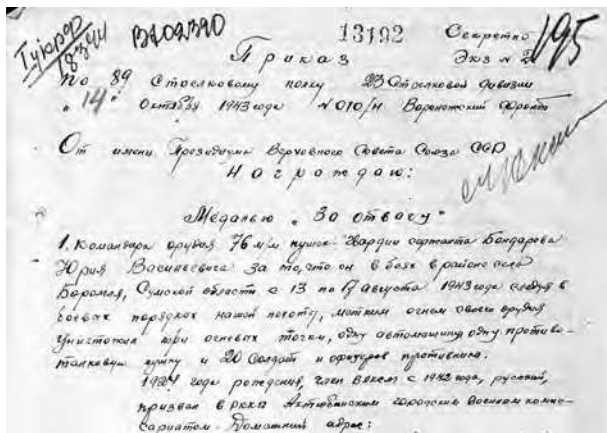
Грохочет артиллерия, перекрикивают её своими увесистыми «словами» танки, рвутся снаряды, свистят пули. Кусок чистого неба отчасти заволочло дымкой горящих где-то там хат

либо Ново-Михайловки, либо Белохатки, отчасти выкрашен чёрными снапами разрывов мин, отлетевшими вслед душам погибших воинов. Виден бруствер окопа: здесь старательно и методично зарывались в землю батальоны, чтоб не смогли выбить их отсюда, обрушить вспять в Днепр. В омуте всего этого хаоса под дуновением ветерка подёргивается на краешке земли клеверок, маленький такой, с фиолетовой каёмочкой-цветком. Поверх столь насыщенной контрастной картинки и какофонии звуков слоёным пирогом играет вальсовую поступь аккордеон: «Раз-два-три, раз-два-три...» Как поёт аккордеон — ни с чем не спутаю: пять лет Щербинской музыкальной школы имени Корнеева не прошли даром, но прошли мимо, выдав мне в аттестате по специальности твёрдую оценку «удовлетворительно». В пирог добавляют слой вокала. Голос Николая Караченцова нельзя сравнить с голосами Шаляпина или Кобзона. Он своеобразен, он неповторим, с хрипотцой, со звоночком, и эти хрипотца и звоночек несут в себе силу, а сила та — сила русской души, что развернётся сначала шире объятий, а после свернётся, как ска-терть-самобранка. И вот такой голос тянет: «Как ни странно, в дни войны есть минуты тишины. Когда бой замолкает устало и разрывы почти не слышны...» А аккордеон вдохновенно продолжает вальсировать: «Раз-два-три, раз-два-три...»

Что это за картина? Сейчас раскроют. Под звуки играющей соло трубы, попереёк небосвода невидимые художники прочертят надпись: «Батальоны просят огня», и на передний план сквозь время и события выйдет Юрий Васильевич Бондарев, так изумительно похожий на своего капитана Ермакова, статный, сильный, уверенный, командир орудия 89-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии Воронежского фронта, Герой Советского Союза, Великий советский и русский писатель, один из создателей жанра «лейтенантская проза», и самое главное — человек с большой буквы «Ч». Человечище!

В октябре 1943 года гвардии сержант Ю.В. Бондарев награждён медалью «За отвагу».

Участвует в освобождении Киева, вторая медаль «За отвагу». С января 1944 года после повторного возвращения из госпиталя воюет в рядах 121-й Рыльско-Киевской стрелковой дивизии в Польше, на границе с Чехословакией. В 1944 году вступает в партию. Великая Отечественная для Юрия Васильевича заканчивается в октябре 1944 года, когда его направляют в Чкаловское артиллерийское училище.

Приказ о награждении Юрия Бондарева медалью «За отвагу», 1945 г.

Думаю, как раз этот момент и стал основой для будущей дебютной большой книги большого писателя «Юность командиров». Великая Победа была встречена Бондаревым в училище: «Сизов в нижнем белье бегал меж коек, срывал одеяла со спящих и, суетясь, вскрикивал диким, придушенным голосом: — Подъём, братцы! Подымайтесь, братцы! Гитлеру конец! Война кончилась! Братцы, по радио передали! Войне коне-ец! Победа!...» В декабре 1945 года, после окончания училища, Бондарев признан ограниченно годным к службе и демобилизован по ранениям в звании младшего лейтенанта. Казалось, на этом всё, служба должна была закончиться, и извилистая, покрытая щёбёнкой и песком дорога войны привела к населённому пункту, на входе в который красуется указатель с надписью на белом фоне чёрными буквами: «Мирное время». Однако — «Ведь пока солдат жив — он сражается», — говаривал в своё время Лимонов, и Юрий Васильевич, предваряя Дениса Давыдова, и слова, вложенные в уста Велико-го партизана Отечественной войны 1812 года в фильме «Эскадрон гусар летучих», будто бы проговорил: «Нынче дело моё иное. Лист бумаги — вот моё поле сражение. Рифмы — вот мои солдаты» и поступил в Литературный институт имени А.М. Горького.

Дебют в печати пришёлся на 1949 год. Печатается в журналах «Октябрь», «Огонёк», «Смена». В 1951 году по окончании института принят в Союз писателей СССР. В 1953 году выходит дебютный сборник рассказов «На большой реке». Далее появляются на свет уже упомянутые мной повести «Юность командиров»

(в 1956 году) и «Батальоны просят огня», повесть «Последние залпы» (1959), сборник рассказов «Поздним вечером» (1962), роман «Тишина» (1962) и его продолжение — роман «Двое» (1964), повесть «Родственники» (1969), роман «Горячий снег» (1969), роман «Берег» (1975). Практически все его произведения, за редким исключением, стали основой для сюжета одноимённых кинокартин.

Фильм «Батальоны просят огня» оказался всего на год старше меня. Он вышел в 1985 году к сорокалетнему юбилею Великой Победы. В детстве, засматриваясь им, я и не подозревал, что сюжет, положенный в основу повествования, уже жил и до фильма в виде одноимённой повести, написанной одним из сценаристов картины ещё в 1957 году. Да, к профессии писателя Юрий Васильевич с успехом добавлял и опыт сценариста. Он принимает участие в написании сценария к фильму-эпопее «Освобождение», вышедшему в 1970 году, пишет сценарий к фильму «Горячий снег» 1972 года выпуска, в основу сюжета которого положен его роман с одноимённым названием, и, наконец-то, участвует в написании сценария к фильму «Батальоны просят огня». Каждая из перечисленных кинокартин, не побоюсь этого слова, — шедевр. «Батальоны» и «Горячий снег» пересмотрены мной несколько десятков раз, и, думаю, ещё будут пересмотрены! Что-то слишком уж простое — и именно поэтому сверхъестественное — прячется за голубым экраном ТВ, или плоским монитором компьютера, или экраном планшета, когда на них транслируются кадры великолепнейших и мощнейших по своему накалу, по своей динамике произведений, созревших в голове, а затем вышедших из-под пера Юрия Васильевича. Это вам не бредни про Рембо и не чушь про рядового Райана. Это живая правдивая проза нашей войны и нашей Великой Победы. Вот что нужно детям в школы! А им Солженицына пихают!

Произведения Бондарева как постулат о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Простые и в то же время сложные истины скрыты в строках и меж строк повествования. Хотите понять, что такое хорошо — книги Бондарева к вашим услугам, хотите узнать, что такое плохо — опять же они лежат и ждут вас. Истины Юрий Васильевич подаёт не в виде тривиального, а, опять же, в виде жизни, нашей с вами жизни, рисует жирными мазками, красками так, чтоб дух захватывало и душу сжимало. Взяв в руки повесть «Батальоны просят огня», вы сможете разглядеть не только бой за Днепр, но иное увидеть. По разные стороны баррикад стоят люди, находящиеся в од-

ном окопе: вон там за бруствером притаился, сжимая в непослушной руке трофейный «вальтер», капитан Ермаков, а чуть дальше, за Днепром, склонился над картой полковник Иверзев. Как день и ночь они, как огонь и вода. И вроде как Ермаков проигрывает по всем фронтам, но по итогу всё равно побеждает: «Шура!» А Иверзев, в свою очередь, победивший всех врагов и низвергший оппонента, терпит поражение: «Если бы я мог... Если бы я мог...». Углубившись в изучение текста, напечатанного на страницах повести «Юность командиров», вы сможете лицезреть раскрашенное широким букетом красок противостояние курсантов Алексея Дмитриева и Бориса Брянцева, выросшее из их крепкой мужской дружбы и вылившееся в сокрушительный разлад, итогом которому становится проплывающий мимо железнодорожный вокзал «с отчётливой надписью “Березанск”», на который глядят глаза Бориса, полные слёз.

Но и это ещё не всё. Чёрно-белая реальность напрочь вычеркнута со страниц книг Юрия Васильевича. Главные герои несовершенны. Они не представляют собой абсолютное добро или абсолютное зло. К примеру, личность Бориса Ермакова в продолжении всего повествования вызывает двоякие чувства. Иногда им восторгаешься, а в некоторые моменты реально начинаешь ненавидеть. Но и «отрицательные» герои не уходят на все сто процентов «в отказ»: капитан Иверзев «искупает» вину перед читателем, поднимая необстрелянных бойцов новых батальонов, увлекая их за собой в атаку, а бывший курсант Брянцев получает шанс на раскаяние, пусть лишь только в самых последних строках повести, но получает: «Не бойся. Я вернусь за тобой, я жить без тебя не могу» и раскаивается: «...сквозь крепко смеженные его веки медленно сочились слёзы». Живые герои, живая жизнь — живые произведения. И автор вместе с ними жив. Он оберегает персонажей своих историй от падения ниц, зажигая им — нет, не факел, но пламя свечи, пламя надежды, на которое идут они.

Хочется отметить вот что: если ты уверен, что в Союзе замалчивалась тема так называемых сталинских репрессий, прочитай роман Бондарева «Тишина» или посмотри одноимённый фильм, снятый в 1964 году. Не думайте, что эти произведения были рассчитаны на малую аудиторию — в советское время книги любили и читали.

Юрий Васильевич был настоящим русским и советским Человеком. Он любил свою страну. Слово Родина и звание Патри-

Юрий Васильевич Бондарев

от не были для Бондарева пустым звуком. Он громил диссидентствующих Солженицына и Сахарова, 31 августа 1973 года подписывая письмо в редакцию газеты «Правда», в тексте которого присутствовали следующие строчки:

«В нынешний исторический момент, когда происходят благотворные перемены в политическом климате планеты, поведение таких людей, как Сахаров и Солженицын, клеветующих на наш государственный и общественный строй, пытающихся породить недоверие к миролюбивой политике Советского госу-

дарства и по существу призывающих Запад продолжать политику “холодной войны”, не может вызвать никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения».

Он, как мог, громил горбачёвскую перестройку, выступая с трибуны на XIX Всесоюзной партийной конференции 29 июня 1988 года, произнося:

«Можно ли сравнить нашу перестройку с самолётом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка? При всей дискуссионности, спорах о демократии, о расширении гласности, разгребании мусорных ям мы непобедимы только в единственном варианте, когда есть согласие в нравственной цели перестройки, то есть перестройка — ради материального блага и духовного объединения всех. Только согласие построит посадочную площадку в пункте назначения. Только согласие. Однако недавно я слышал фразу, сказанную молодым механизатором на мой вопрос об изменениях в его жизни: “Что изменилось, спрашиваете? У нас в совхозе такая перестройка мышления: тот, кто был дураком, стал умным — лозунгами кричит; тот, кто был умным, вроде стал дурак дураком — замолчал, газет боится. Знаете, какая сейчас разница между человеком и мухой? И муху, и человека газетой прихлопнуть можно. Сказал им, а они меня в антиперестройщики”. В этом чрезвычайно ядовитом ответе, просолённом народным юмором, я почувствовал и досаду, и злость человека, разочарованного одной лишь видимостью реформ на его работе, но также и то, что часть нашей печати вос-

приняла, вернее, использовала перестройку как дестабилизацию всего существующего, ревизию веры и нравственности».

Отказывался в 1989 году войти в состав учредителей советского ПЕН-центра по причине отсутствия возможности работать с теми, «с кем я в нравственном несогласии по отношению к литературе, искусству, истории и общечеловеческим ценностям».

Противостоял горбачёвско-ельцинскому режиму, подписывая в 1991 году обращение «Слово к народу»: «Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнет, ломается, погружается во тьму и небытие...»

«Что с нами сделалось, братья? Почему лукавые и велеречивые властители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего — обрекают на жалкое прозябание в рабстве и подчинении у всемогущих соседей?...»

«Сплотимся же, чтобы остановить цепную реакцию губительно-го распада государства, экономики, личности; чтобы содействовать укреплению советской власти, превращению её в подлинно народную власть, а не в кормушку для алчущих нуворишей, готовых распродать всё и вся ради своих ненасытных appetitov; чтобы не дать разбушеваться занимающемуся пожару межнациональной розни и гражданской войны».

Участвовал в январе 1992 года в митинге сторонников Союза писателей России, организованном против преобразования Союза писателей СССР в Содружество Союзов писателей. Публично отказался принять от Ельцина орден Дружбы народов, отметив в ответной телеграмме, что «это уже не поможет доброму согласию и дружбе народов нашей Великой страны».

«Наша свобода — это свобода плевать в своё прошлое, настоящее и будущее, в святое, неприкосновенное, чистое», — это тоже принадлежит Юрию Васильевичу. Однако, несмотря на такую оценку российской современности, как и в своих произведениях, Бондарев зажигал и себе, и всем русским и советским людям, нет, не факел, но пламя свечи, пламя надежды: «...даже в очень страшной трагедии есть место надежде...» на светлое будущее России.

И проблески этой надежды стали отчасти проявляться.

Юрий Васильевич среди прочих других поддерживает действия мэра Москвы относительно запрета проведения в мае 2009 года на улицах столицы гей-парада. Подписывает обращение к Федеральному собранию РФ и президенту В.В. Путину от 6 мая 2014 года, написанное Союзом писателей России в поддержку решительным действиям руководства страны относительно ситуации в Крыму. И, будто бы, где-то там, впереди, за перевалом, опять зажглось пламя надежды, и люди опять пошли на него.

Но не всем суждено дойти. Как горьковский Данко, Великий писатель вынул из груди пламенное сердце своё ради того, чтобы освещать им путь народу, и, как у горьковского Данко, сердце его сгорело дотла, оставив лишь всполохи в степи.

Уходит эпоха, уходят люди! И лишь осознавая жизненный путь личностей в истории, мы понимаем, насколько они были масштабны. Юрий Васильевич, спасибо Вам за ваше монументальное творчество, за Вашу незыблемую гражданскую позицию, за Вашу жизнь! За Ваше терпение, за Ваше понимание, за Вашу веру. За Ваши Подвиги! Уходят Герои моего детства, уходят Герои моей страны!

После Бондарева нам в наследство останутся его книги и его вера в светлое будущее нашей Родины!

А аккордеон... слышите?.. всё ещё вальсирует, выдавая в басу тот же самый ритм: «Раз-два-три, раз-два-три...», а поверх музыки журчат звенящей рекой слова: «...И стоим мы в дни войны тишиной окружены...»

Москва, 12.04.2020

*Здесь, у разъезда под Москвой,
Сумели наши двадцать восемь
Встать против силы броневой,
Что мяла сосны, как колосья.
Но двадцать восемь ни на пядь
Не отступили, встав с гранатой,
Клочков о танках мог сказать:
«Их меньше, чем по два на брата!»
Вошел в легенду мой ровесник,
И Дубосеково давно
Вошло в учебники и песни
По праву, как Бородино!*

Николай Тихонов